

УДК 94(48).083

**КАМПАНИЯ ПРОТИВ ИТАЛЬЯНСКИХ
«АНТИПАТРИОТИЧЕСКИХ ОФИЦЕРОВ»:
СУД НАД ВЕТЕРАНОМ РУССКОГО ФРОНТА
КАПИТАНОМ ЛАМБЕРТИ ИЗ-ЗА ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ СССР**

© 2016 г.

Дж. Скотони

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

giorgioscotoni@ya.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016

С первых лет «холодной войны» в Италии начинается кампания по дискредитации антифашистов среди военнослужащих. Автор ставит вопрос о цензуре в отношении свидетельств бывших итальянских военнопленных и старается дать точное описание судьбы ветеранов русского фронта, жертв идеологической борьбы против СССР. В качестве наиболее показательного примера анализируется процесс капитана Ламберти, легендарного командира батальона «Монте Червино».

Ключевые слова: Русский фронт, «холодная война», антисоветская пропаганда, итальянские военнопленные.

В первые годы «холодной войны» западный блок строил «новый символический порядок», в котором СССР изображался как «империя зла» и главный идеологический враг. Тогда, во имя борьбы против коммунизма, в Италии также началась мощная кампания по дискредитации советского государства и антифашистских сил.

Летом и осенью 1945 г. возвращение из Германии полумиллиона итальянских военнопленных прошло почти незаметно. То же самое случилось и с полумиллионом военнопленных из англо-американских лагерей: они репатрировались в период между 1945 и 1947 г. при полном пренебрежении страны и военных властей [1, р. 245]. Не так спокойно разворачивалось возвращение на родину военнопленных из СССР в период с сентября 1945 по август 1946 г. (сначала – солдат, а затем и офицеров).

В контексте идеологической борьбы против Советского Союза итальянские правые партии и католические силы (самой главной среди них была Партия христианских демократов) разыгрывали «карту заключенных», чтобы развенчать миф о «советском рае» и критиковать левые итальянские партии – Коммунистическую (ИКП) и Социалистическую (ИСП), которые защищали дух «антифашистского единства» с Москвой.

Как известно, с конца войны провокационный «вопрос о военнопленных» стал эффективным инструментом итальянской антикоммунистической пропаганды. На советско-германском фронте потери итальянской армии были огромны. Зимой 1942–1943 гг. в результате отступления с Дона они составили, по данным Истори-

ческого бюро Генштаба, 84 830 убитыми и пропавшими без вести (3010 офицеров и 81820 унтер-офицеров и солдат) [2, р. 464].

После войны из 48 967 итальянских военнослужащих, находившихся в советских лагерях, вернулись домой лишь 21 274 человека; остальные погибли от голода и болезней. В советском плену умерло более половины итальянских пленных. Это был самый высокий уровень смертности по сравнению с военнопленными других стран в СССР. В данной связи в итальянском обществе развернулась резкая критика и настоящая клеветническая кампания по криминализации коммунистических и антифашистских руководителей.

Целенаправленная кампания по поводу пропавших без вести на русском фронте бушевала в течение двух-трех лет. Националистическая пропаганда усиливала спекуляцию по вопросу «пропавших без вести», обвиняя коммунистический режим СССР в том, что он продолжал содержать в плену многих солдат и офицеров итальянской армии. Кто не был согласен с этим мнением, сразу же обвинялся в продажности. «В гармонии с политической партией, которая выгоняла коммунистов и социалистов из государственного аппарата, армия стремилась оправдать себя в военной авантюре в России, вознося итальянского солдата, воевавшего в таких тяжелых условиях» [1, р. 14].

Важно подчеркнуть, что большинству военнослужащих итальянской армии, которые постепенно вернулись из СССР, подобные обвинения казались пошлыми фальсификациями.

Массовая смертность итальянских солдат и офицеров не была результатом «бесчеловечности большевиков». Причины столь высокой смертности просты – голод, холод и эпидемии тифа. Однако правительство Италии стало использовать тезис о военнопленных в большой политике. Это вылилось прежде всего в публикации рядом СМИ статей антисоветского и антикоммунистического характера. «Когда некоторые важные решения, такие как улучшение для Италии условий мирного договора или прием Италии в ООН, зависели от СССР, проблема заключенных исчезала со страниц итальянских газет и журналов на многие месяцы. Но как только Итальянская коммунистическая партия (ИКП) выдвигала правительству разные требования или приближались выборы, появлялись статьи о трагедии итальянских заключенных, которые страдают муками ада в Сибири. Перед посольством СССР непременно начинались демонстрации с участием родственников тех солдат, которые не вернулись из России, а иногда происходили даже нападения на местные секции ИКП» [3, р. 58–59].

Подобная ситуация имела место и в ноябре 1945 года, когда началась кампания по выборам в Учредительное собрание. Все основные итальянские газеты опубликовали отчеты о встрече бывших итальянских заключенных, вернувшихся из СССР, с папой Пием XII и князем Умберто Савойским. Пресса вышла с такими заголовками, как «Папа слушает рассказ об ужасах плена» (газета “Il Tempo”) или «Печальная повесть о муках неслыханных» (газета “Stampa libera”) и т.д.

Одновременно в итальянских Вооруженных силах развернулась кампания против антифашистских ветеранов, вернувшихся из советского плена. Поведение военнопленных «антифашистов» в советских лагерях стало центром политически ориентированного скандала: о них говорили как о «ренегатах», против них устраивались судебные и общественные процессы. Противники Советского Союза не только обвиняли антифашистских ветеранов в антипатриотической деятельности, но и пользовались трагедией пропавших без вести с целью настроить общественное мнение против СССР и, следовательно, против коммунистической партии.

Основным аспектом этой кампании были обвинения нескольких репатриированных офицеров против бывших военнопленных «антифашистов» – т.е. против тех заключенных, придерживающихся различных политических взглядов, которые решили участвовать в работе антифашистского движения в рамках советской программы политического перевоспитания за-

ключенных. Основной целью этой массовой политработы в советских лагерях было распространение антифашистских идей и получение большого количества подписей под призывами против режима Муссолини. Антифашистские призывы не ограничивались военной средой: выступления в прессе и на радио были адресованы всему итальянскому народу. Например, воззвание к итальянцам «За свободную, счастливую и независимую Италию!» было выработано в июне 1943 г. «активистами» Тамбовского лагеря и в том же месяце передано по радио «Москва» [4, р. 116].

При организации пропаганды можно было писать статьи для журнала «Альба» – лагерной газеты итальянских военнопленных. Заключенные, которые вели работу в антифашистских группах, могли учиться в так называемых школах антифашизма. Центральная антифашистская школа была ближе к Москве, в Красногорском лагере № 27. В этой школе действовало 4 сектора – немецкий, венгерский, австрийский и итальянский. На курсах, длившихся как минимум четыре месяца, изучали марксистскую политэкономия, диалектический и исторический материализм. В итальянском секторе работали лидеры ИКП, жившие в СССР.

После капитуляции Италии сотни заключенных были перевоспитаны в духе марксизма-ленинизма. К лету 1945 г. через Красногорскую школу прошло 395 итальянцев из числа офицеров и рядового состава. Всего через курсы в «антифашистских школах» прошли 943 итальянских военнопленных, 2700 человек участвовало в деятельности антифашистских групп [4, р. 135].

Обвинение в антипатриотической деятельности получало огромный резонанс в итальянской прессе и инициировало серию расследований со стороны военных властей. Следует отметить, что, уделив главное внимание содержанию военнопленных в Советском Союзе, итальянские авторы куда как слабее осветили судьбу итальянцев, оказавшихся в плену у союзников. В отличие от советской системы антифашистской пропаганды, в англо-американских лагерях не было структурированной политической работы с пленными против идеологии фашизма. «Ни одно из союзных государств не сочло необходимым сообщить об актуальных вопросах итальянской политики или о партизанской борьбе против немцев. Только в СССР заключенные имели возможность быть в курсе военных и политических событий на международном и на национальном уровнях» [5, р. 456].

Историк Джорджо Рошат обратил внимание на то, что англичане и американцы, тем не менее, выделили итальянских заключенных среди «коо-

ператоров», которые взяли на себя обязательство сотрудничать в военной сфере с англичанами и американцами, и «не-кооператоров», которые либо идентифицировали себя как фашистов, либо отказались делать политический выбор: «Для всех эти расследования о поведении в плену были быстры и поверхностны, где не делалось никакого различия между “кооператорами” и “не-кооператорами” в англо-американских лагерях. Даже не были обвинены коллаборационисты Рейха, пришедшие из немецких лагерей, чтобы продолжать войну на стороне Гитлера и Муссолини» [1, р. 245–246].

Лишь военнопленные, вернувшиеся из СССР, испытали на себе так называемую практику «двойных стандартов». По возвращении на родину все они были вызваны в Военную комиссию для подачи заявлений о том, как попали в плен и каково было их поведение в советских лагерях. Это был так называемый «дискриминационный осмотр». Данные, полученные на допросе, проходили через цензуру военных властей. В общем, систематически подвергались цензуре все заявления о «лечении в соответствии с международным правом».

Так, например, случилось с Умберто Монтини, артиллеристом 30-й группы корпусной артиллерии, 35-го армейского корпуса. 24 декабря 1942 г. он был взят в плен на Дону; уже по дороге к поезду у него произошло обморожение ног. Поэтому Монтини был госпитализирован в лагерную больницу Зубовой Поляны (поселок в Мордовской АССР). Здесь его выхаживали и спасли «врач Полина» и «медсестра Анфиса». Они же вылечили от истощения, тифа и дизентерии сотни итальянских пленных. По возвращении Умберто Монтини заявил, что он получил от врага «первоклассную медицинскую помощь в соответствии с конвенциями о положении военнопленных». Однако в Военной комиссии отвергли его заявление, и он был вынужден отказаться от своих слов.

Во время «холодной войны» многие солдаты и офицеры стали жертвами идеологической борьбы. Редкие ветераны русского фронта, будучи уже на службе в новой итальянской армии, решались публично выступать против использования «трагедии пропавших без вести». Малое число бывших военнопленных ARMIR (Armata Italiana in Russia) превратилось в настоящих «диссидентов».

Послевоенная армия в Италии восстанавливалась ветеранами, имевшими различный опыт войны: были те, кто остался верным королю Виктору Эммануилу III в немецких концлагерях, а были и те, кто предал его; бывшие партизаны и сторонники Республики Сало; «коопера-

торы» и «не-кооператоры» с союзниками. В таких условиях массовые процессы над «антифашистами» из числа военнопленных по исключительному идеологическим соображениям грозили политическим скандалом. Учитывая это (а также то, что подавляющее большинство обвиняемых «антифашистов» в армии – сержанты и офицеры запаса), военное начальство предписывало «мягкую чистку»: все ветераны из числа антифашистов были «просто» немедленно демобилизованы. Кадровым офицерам, напротив, предъявили ультиматум: для продолжения службы в новой армии надо было сделать «клятвенное отречение», т.е. отказаться от всех просоветских заявлений.

«Не было никаких последствий для тех, кто “отрекся” от обучения в советских политических школах или от подписи антифашистских призывов и согласился с доминирующей трактовкой. Наоборот, почти все офицеры, зарегистрированные как “неисправимые”, были уволены без скандалов, с добровольной или вынужденной отставкой, или были изгнаны из армии внутренними мерами. До сегодняшнего дня архивные данные недостаточно изучены, чтобы подводить итоги. Военные прокуроры проводили следствия только для ограниченного числа “неисправимых” офицеров (около двадцати, по данным Джусти). Они отказались отречься или отвергнуть то, чему учились на антифашистских курсах в лагерях; поэтому показались опасными для сплочения армии, – особенно кадровые офицеры, которые стали коммунистами или были только классифицированы как таковые» [1, р. 247]. Для таких «неисправимых» офицеров руководство подготовило своеобразное «прокрустово ложе». Наиболее громким делом был суд над капитаном Джузеппе Ламберти, легендарным командиром альпийского батальона «Монте Червино».

«Монте Червино» было самым престижным подразделением альпийских стрелков. Этот батальон лыжников прибыл на территорию СССР 21 февраля 1942 г. [6, р. 168]. В летнюю кампанию 1942 г. и до разгрома 8-й итальянской армии на Дону батальон «Монте Червино» участвовал в боевых действиях на советско-германском фронте: в мае 1942 г. у Изюма в составе Экспедиционного корпуса К.С.И.Р.; затем – в августе 1942 г. – в сражениях на Сталинградском направлении против советских войск 63-й армии, в т.н. «Первой оборонительной битве на Дону» [7, р. 113]. Зимой 1942/43 г., в ходе «Второй оборонительной битвы на Дону», когда происходило наступление советских войск на Среднем Дону (операция «Малый Сатурн») и на Верхнем Дону («Острогужско-

Россошанская наступательная операция»), бойцы лыжного батальона под командованием Ламберти доблестно проявили себя в ожесточённых боях на Зеленом Яре и в обороне Россоши. Батальон был награжден золотой медалью за ведение войны на русском фронте [2, р. 495]. «С ноября 1942 г., то есть в самый критический период русской кампании, когда полковник Д'Адда ушел в Италию, Ламберти командовал нашим батальоном отлично, а если "Монте Червино" был награжден золотой медалью (уникальный случай среди альпийских батальонов), то это, в основном, благодаря поведению капитана Ламберти... Он был необыкновенный командир, профессионально подготовлен, увлечен своим делом. Он также был храбр и, что редко бывало среди его коллег, не выполнял приказы пассивно» [8, р. 209].

Во время отхода альпийского корпуса, в январе 1943 г., остатки батальона «Монте Червино» были взяты в плен. Среди них был и сам командир: «22 января, партизаны захватили капитана Ламберти вместе с несколькими немецкими солдатами. Ламберти и итальянцы были одеты в немецкие мундиры. Партизаны заставили их раздеться и, убежденные, что они немцы, поставили всех к стенке, чтобы их расстрелять. Это не была шутка» [9, р. 197]. Сам Ламберти детально описал это событие: «К счастью, пришел сержант, который говорил по-французски. Было не просто объяснить, что мы не немцы, что мы пришли из Россоши и что мы из первого и единственного батальона альпийских лыжников, прибывших в Россию прошлой зимой... В сопровождении партизан меня послали в избу, где сидел офицер. Он начал расспрашивать меня. Офицер хотел знать, когда и где мы приехали на фронт, где мы сражались и почему мы не катались на лыжах. Он записал всё. Допрос затянулся. Он заставил меня сидеть у печки в центре избы. После длинной серии вопросов, закончил неожиданным вопросом: "Зачем ты пришел бороться против русских?". Затем встал и вышел. Два пожилых и одна женщина, хозяйка, были свидетелями всей сцены. Они разговаривали друг с другом, глядя на меня, время от времени с любопытством и состраданием. Они передали мне мисочку воды с хлебом. Это было неожиданным жестом, подарком, которым я был тронут... Вернулся офицер. Через сержанта сказал, что мы спасены от расстрела. Я помню, как будто вырезанные в бронзе, его слова: "Вы итальянцы, заблуждающиеся, подчинившиеся чужой воле"» [10, р. 67]. Так Ламберти попал в плен.

В сентябре 1943 г. газета Красногорской школы «Альба» опубликовала статью с подписью Ламберти. Эта статья была посвящена

политическому осуждению режима Муссолини и знаменовала открытый разрыв автора с прошлым. Ламберти был готов к борьбе за полное искоренение фашизма и к работе на установление нового демократического строя. Сразу же среди итальянских офицеров его образ безупречного бойца и полуполюгендарного командира оказался забытым, и теперь вспоминалось только его поведение во время заключения. Вот как лейтенант батальона «Монте Червино» Карло Вичентини объяснял поступок своего капитана: «На самом деле Ламберти был антифашистом еще до пленения. Мы, офицеры, которые были ему близки, знали, что он думал и говорил; мы знали его горькую критику нашей военной готовности, высказывания против введения итальянских войск и поведения некоторых членов командования в России. В плену он пошел гораздо дальше – с полным убеждением и добросовестно» [8, р. 209].

По возвращении из СССР капитану Ламберти за его антифашистскую деятельность в плену пришлось отвечать перед армейским руководством. В качестве предлога для привлечения к суду была использована статья Ламберти «Против гнусной спекуляции. Правда о разгроме ARMIR». Это был текст в коммунистическом еженедельнике города Кунео, симпатизирующем Советскому Союзу. В статье Ламберти осудил участие итальянских войсковых частей в боевых действиях на Дону. Утверждая, что итальянские войска были принесены в жертву, он обвинил генералитет фашистского режима в трагедии пропавших без вести и показал лживость обвинений в преднамеренном уничтожении итальянских военнопленных на территории советских лагерей.

«Капитан Ламберти в своей военной карьере исходил из максимальной ответственности командира к своим подчинённым. Как он мог молчать? Независимо от ограничений, налагаемых на него из-за военного статуса, он писал свободно: всю правду о том, что он видел и испытывал, реальную трагедию военнопленных, вину, ответственность... Старшие офицеры пытались всячески переубедить упрямого буйного капитана, напоминая ему о военных правилах. Но Ламберти был на русском фронте командиром «Монте Червино», батальона-иконы Альпийских войск, состоящего из самых лучших солдат, собранных со всех горнострелковых частей итальянских Альп. Под его командованием батальон был награждён золотой медалью на Донском фронте. Даже с уменьшенным количеством альпийцев, батальон получил больше орденов и медалей, по сравнению со всеми итальянскими батальонами, участвовавшими во

Второй мировой войны: две золотые медали, 43 серебряные, 69 крестов войны» [1, p. 14–15].

Сразу после парламентских выборов 18 апреля 1948 г., на которых партия христианских демократов во главе с Де Гаспери достигла подавляющего большинства, капитана Ламберти отдали под трибунал, обвинив его в клевете на итальянскую армию. Прокурор прибегнул к излюбленному доводу инквизиции: отречься или быть осужденным. По мнению Джорджо Ронат, «Ламберти категорично не поступился антифашистской позицией и не отказался от взглядов, которые он пропагандировал в советском плену. Он был блестящим офицером и хорошо известен своими военными заслугами: если бы он согласился молчать, если бы он не критиковал доминирующие антикоммунистические трактовки, он, вероятно, мог бы спасти свою карьеру... А офицер вместо “отречения” бросил вызов: он подтвердил свою солидарность с русским народом и представил список 70 ветеранов, желающих дать показания в его пользу» [1, p. 247].

Это было последним подвигом альпийского капитана. Следствие было явно предвзятым и проводилось методами, немислимыми в какой-либо судебной системе. Приговор был заранее подготовлен и полностью определялся произволом следователя – полковника Оттоне. «Обвинение было основано на письменных заявлениях 30 офицеров, в то время как 70 ветеранов, свидетелей в пользу Ламберти, были отклонены по двум причинам: во-первых, как написал следователь, “картина была уже достаточно ясна с обвинительными заявлениями, подавляющими, надежными, объективными”; во-вторых, следователь был уверен, “что офицеры в списке Ламберти, если подвергнутся допросу, безусловно, будут давать показания в его пользу”. По мнению полковника, было вполне логичным то, что в русских лагерях военнопленные были разделены на два противоборствующих направления, а Ламберти может привести в качестве

свидетелей только “представителей своего идеологического направления”, которые логично защитят его. Поскольку все 70 офицеров будут свидетельствовать в пользу капитана, в интересах следствия нет необходимости их слушать, отметил полковник Оттоне» [4, p. 250].

В итоге подсудимый был признан виновным «в проведении антипатриотической пропаганды с целью разрушения дисциплины и общественного порядка Италии». На деле же в демократической Республике, возникшей в результате сопротивления фашизму, Ламберти осудили за антифашистскую позицию. Легендарный командир, получивший в ходе тяжелейшей «русской кампании» две серебряные медали и два военных наградных креста, был объявлен клеветником на вооруженные силы Италии, лишен звания и изгнан из армии.

Список литературы

1. Bertone G. Giuseppe Lamberti alpino ribelle. Torino: Ega, 2009. 284 p.
2. Le operazioni delle unità italiane al fronte russo 1941–1943. Roma: Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico, 2000. 832 p.
3. Bigazzi F., Zhirnov E. Gli ultimi 28. Milano: Mondadori, 2002. 243 p.
4. Giusti M.T. I prigionieri italiani in Russia. Bologna: Il Mulino, 2003. 338 p.
5. Gli italiani sul Fronte russo. Bari: De Donato, 1982. 570 p.
6. Messe G. La guerra al fronte russo: il Corpo di spedizione italiano (CSIR). Milano: Rizzoli, 1964. 398 p.
7. Le operazioni del CSIR e dell'ARMIR dal giugno 1941 all'ottobre 1942 / Ministero della difesa, Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico. Roma: Tipografia Regionale, 1947. 211 p.
8. Vicentini C. Noi solo vivi. Milano: Mursia, 2000. 330 p.
9. Hamilton H. Sacrifice in the Steppe. Havertown: Casemate Publishers, 2011. 368 p.
10. Sani M. Prigionieri. I soldati italiani nei campi di concentramento 1940–1947. Roma: ERI, Edizioni RAI, 1987. 169 p.

A CAMPAIGN AGAINST ITALIAN «ANTI-PATRIOTIC OFFICERS»: THE PROCESS OF THE RUSSIAN FRONT'S VETERAN CAPTAIN LAMBERTI

Giorgio Scotoni

Since the early years of the Cold War, a wide campaign to discredit the anti-fascists in the military began in Italy. The author raises the question of censorship in relation to the eye-witness reports of former Italian prisoners of war and tries to give an accurate description of the problems of the Russian front's veterans, who became real victims of the ideological struggle against the USSR. In this paper, we consider the process of Captain Lamberti, the legendary commander of the battalion «Monte Cervino», as the most illustrative example of the campaign against Italian «anti-patriotic officers».

Keywords: Russian front, Cold War, anti-Soviet propaganda, Italian prisoners of war.

References

1. Bertone G. Giuseppe Lamberti alpino ribelle. Torino: Ega, 2009. 284 p.
2. Le operazioni delle unità italiane al fronte russo 1941–1943. Roma: Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico, 2000. 832 p.
3. Bigazzi F., Zhirnov E. Gli ultimi 28. Milano: Mondadori, 2002. 243 p.
4. Giusti M.T. I prigionieri italiani in Russia. Bologna: Il Mulino, 2003. 338 p.
5. Gli italiani sul Fronte russo. Bari: De Donato, 1982. 570 p.
6. Messe G. La guerra al fronte russo: il Corpo di spedizione italiano (CSIR). Milano: Rizzoli, 1964. 398 p.
7. Le operazioni del CSIR e dell'ARMIR dal giugno 1941 all'ottobre 1942 / Ministero della difesa, Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico. Roma: Tipografia Regionale, 1947. 211 p.
8. Vicentini C. Noi solo vivi. Milano: Mursia, 2000. 330 p.
9. Hamilton H. Sacrifice in the Steppe. Havertown: Casemate Publishers, 2011. 368 p.
10. Sani M. Prigionieri. I soldati italiani nei campi di concentramento 1940–1947. Roma: ERI, Edizioni RAI, 1987. 169 p.